

Про мышъ зубастую да про воробья богатаго.

I.

Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студеные, про луга зеленые, про лѣса дремучіе, про хлѣба хлѣбистые, да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка,—сказка будеть впереди.

Жиль-быль въ селѣ мужичокъ, крестьянинъ исправный—и Бога боялся и о людяхъ печаловался: коли кто былъ въ горѣ да въ нуждѣ, всякъ къ нему за совѣтомъ шель, а коли у кого было хлѣба въ недостатѣ,

шли въ его закомъ, какъ въ свой. Богъ благословлялъ его поля; у кого хлѣбъ родится самъ-четверть, самъ-пятъ, а у него нерѣдко и самъ-десять. Сожнетъ мужичокъ хлѣбъ, свезетъ въ овинъ, перечтетъ снопы, да каждый десятый снопъ къ сторонѣ отложить, промолвя:

— Это на долю бѣдной братіи.

Услыхалъ такія рѣчи воробей, зачиликалъ во весь ротъ:

— Чивъ, чивъ, чивъ! Мужичокъ полонъ овинъ хлѣба навалилъ, да и на нашу братію видимо-невидимо отложилъ!

— Шишь, не кричи во весь ротъ! — пропищала мышъ-пискунья.— Не то всѣ услышатъ: налетитъ ваша братія крылатая стая, все по зернышку разнесетъ весь закомъ склюетъ и намъ ничего не оставитъ!

II.

Трудновато было воробью молчать, да дѣлать нечего, мышка больно строго ему пригрозила. Вотъ слетѣлъ воробей со стрѣхи на полъ, подсѣлъ къ мышкѣ и сталъ тихонько чирикать:

— Давай де, мышка - норушка, совьемъ себѣ пгнѣздышку, я подъ стрѣхой, ты въ подпольѣ, и станемъ жить да быть да хозяйской подачкой питаться, и будетъ у насъ все вмѣстѣ, все пополамъ.

Мышка согласилась. Вотъ и зажили они вдвоемъ. Живуть годъ, живутъ другой, а на третій амбаръ ветшать сталъ, про новый хлѣбъ хозяинъ выстроилъ другой амбаръ, а въ старомъ зерна оставалось намалѣ.

Мышка-норушка это дѣло смекнула, раскинула на умахъ и порѣшила, что коли ей одной забрать все зерно, то болѣе достанется, чѣмъ съ воробьемъ пополамъ. Вотъ прогрызла она въ половицѣ въ закомѣ дыру, зерно высыпалось въ подполье, а воробей и не видалъ того, какъ весь хлѣбъ ушелъ къ мышкѣ въ нору.

III.

Сталъ воробей поглядывать, гдѣ зерно — зерна не видать; онъ туда, онъ сюда, нѣтъ нигдѣ ни зернышка; сталъ воробей къ мышкѣ въ нору стучаться:

— Тукъ, тукъ, чивъ, чивъ, чивъ! Дома ли, сударушка мышка?

А мышка въ отвѣтъ:

— Чего ты тутъ расчирикался? Убирайся, и безъ тебя голова болить!

Заглянулъ воробей въ подполье, да какъ увидалъ тамъ хлѣба ворохъ, такъ пуще прежняго зачирикалъ:

— Ахъ, ты, мышъ подпольная, вишь, что затѣяла; да гдѣ жъ твоя правда? Уговоръ былъ все поровну,

все пополамъ, а ты это что дѣлаешь? Взяла да обобрала товарища!

— И-и!—пропищала мышка-норушка,—вольно тебѣ старое помнить, я такъ ничего знать не знаю и помнить не помню!

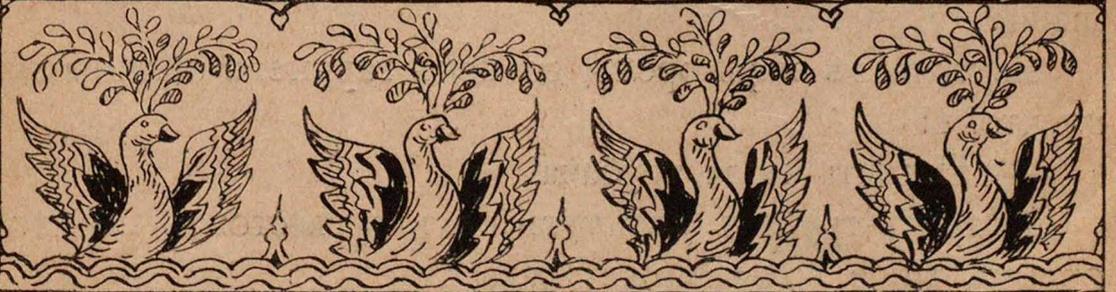
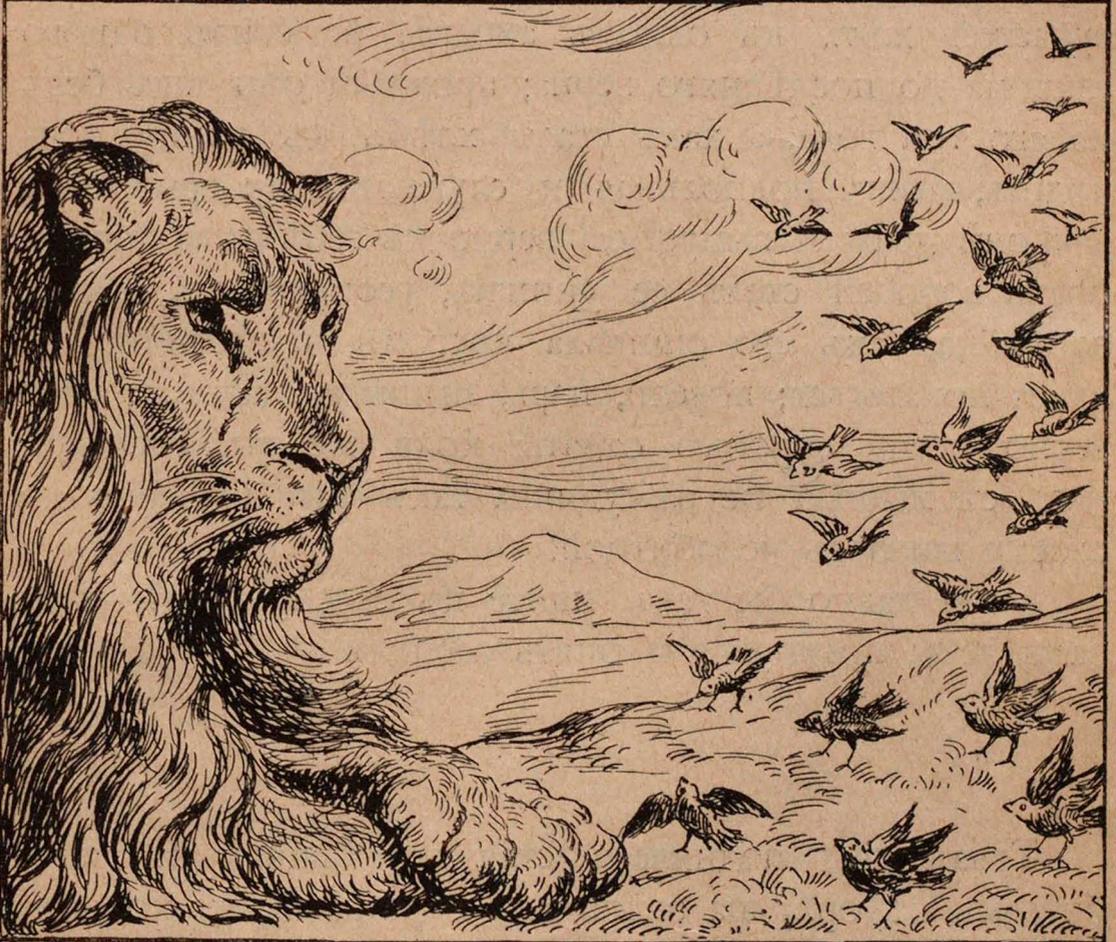
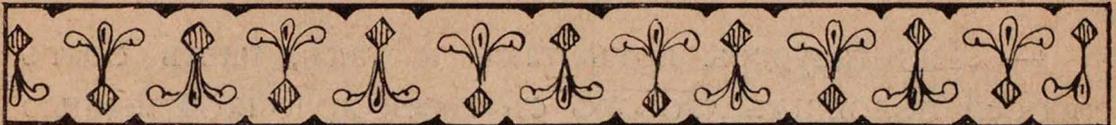
Нечего дѣлать, сталъ воробей мышкѣ кланяться, упрашивать, а она какъ выскочить, какъ начнетъ его щипать, только перья полетѣли!

IV.

Разсердился воробей, взлетѣлъ на крышу и зачирикалъ такъ, что со всего округа воробьевъ слетѣлось видимо-невидимо. Всю крышу обсѣли и ну товарищеводѣло разбирать: все по ниточкѣ разобрали и на томъ порѣшили, чтобы къ звѣриному царю всѣмъ міромъ съ челобитьемъ летѣть. Снялись, полетѣли, только небо запестрѣло. Вотъ прилетѣли они къ звѣриному царю, зачирикали, защебетали, такъ что у льва въ ушахъ зазвенѣло, а онъ въ ту пору прилегъ было отдохнуть. Зѣвнулъ левъ, потянулся, да и говорить:

— Коли попусту слетѣлись, такъ убирайтесь въ свояси,—спать хочу; а коли дѣло есть до меня, то говори одинъ, вѣдь пѣть хорошо вмѣстѣ, а говорить порознь!

Выскочилъ тутъ воробышекъ, что побойчѣе другихъ, и сталъ такъ сказывать дѣло:

— Левъ-государь, вотъ такъ и такъ, нашъ братъ воробей положилъ уговоръ съ твоей холопкой мышью зубастой жить въ одномъ амбарѣ, ѣсть изъ одного закрома до послѣдняго зерна; прожили они такъ безъ малаго три года, а какъ сталъ хлѣбъ къ концу подходить, мышь подпольная и слукавила, прогрызла въ закромѣ дыру и выпустила зерно къ себѣ въ подполье; братъ воробей сталъ ее унимать, усовѣщивать, а она, злодѣйка, такъ его ощипала кругомъ, что стыдно въ люди показаться; повели, царь, мышь ту казнить, а все зерно истцу воробью отдать; коли же ты, государь, насъ съ мышью не разсудишь, такъ мы полетимъ къ своему царю съ челобитной!

— И давно бы такъ, идите къ своему орлу! — сказалъ левъ, потянулся и опять заснулъ.

V.

Туча-тучей поднялася стая воробьиная съ челобитьемъ къ орлу на звѣринаго царя да на его холопку мышь.

Выслушалъ царь-орель, да какъ гаркнетъ орлинымъ клеткомъ:

— Позвать сюда трубача!

А грачь-трубачъ ужъ тутъ какъ тутъ стоитъ передъ орломъ тише воды, ниже травы.

— Труби, трубачъ, великій сборъ моимъ богатырямъ: беркутамъ, соколамъ, коршунамъ, ястребамъ, лебедямъ, гусямъ и всему птичьему роду, чтобы клювы гочили, когти вострили; будетъ де вамъ пиръ на весь мѣръ. А тому ли звѣриному царю разлетную грамоту носи за то де, что ты, царь, потатчикъ, присяги не памятуешь, своихъ звѣришекъ въ страхъ не держишь, нашихъ пернатыхъ жалобъ не разбираешь, вотъ за то де и подымается на тебя тьма-тьмушая, сила великая; и чтобы тебѣ, царю, выходить со своими звѣришками на поле Арекское, къ дубу Веретенскому.

Тѣмъ временемъ, выпавшись, проснулся левъ и, выслушавъ трубача-бирюча, зарычалъ на все свое царство звѣриное; сбѣжались барсы, волки, медвѣди, весь крупный и мелкій звѣрь и остановились они у того дуба завѣтнаго.

VI.

И налетала на нихъ туча грозная, непроносная, съ вожакомъ своимъ, съ царемъ-орломъ, и билися обѣ рати не отдыхаячи три часа и три минуты, другъ друга не одолевая; а какъ нагрязнула западная сила—ночная птица, пугачъ да сова, тутъ зубастая мышъ первая наутекъ пошла. Доложили о томъ докладчики звѣриному царю, разсердился левъ-государь на зубастую мышъ:

— Ахъ ты, мышь, мелюзга подпольная, изъ-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалѣючи себя, а ты же первая тыль показала!

Тутъ велѣлъ левъ отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлѣбъ присудилъ воробью отдать, а мышь подпольную, буде найдется, ему же, воробью, головою выдать.

Мышь не нашли, сказываютъ: сбѣжала де со страху не въ наше государство.

Воробышекъ разжился, и сталъ у него что ни день, то праздникъ—гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чирикаютъ они на все село былину про мышь подпольную, про воробья богатаго да про свою удалъ молодецкую.

